

ДОКЛАД

№ 69 / 2021

Последствия американо-иранской конфронтации для России: анализ факторов риска (2021 г.)

Российский совет
по международным
делам

Петр Кортунов
Абдулрасул Дивсалар

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2021

УДК [327(470+571):327.5(73:55)
ББК 66.4(2Рос),3+66.4(7Сое),9(5Ирн),302
П62

Российский совет по международным делам

Авторский коллектив:
А. Дивсалар; П.А. Кортунув

Выпускающие редакторы:

А. Дивсалар; Е.О. Карпинская; П.А. Кортунув

П62 **Последствия американо-иранской конфронтации для России: анализ факторов риска (2021 г.):** Доклад № 69 / [А. Дивсалар, П.А. Кортунув]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2021. — 36 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6046308-4-6

Доклад представляет собой результат теоретического анализа экономических и политических последствий, которые открытая конфронтация между Ираном и США может иметь для России. В работе рассматриваются как потенциальные негативные, так и возможные позитивные последствия такого столкновения для Российской Федерации. Исследование не ставит перед собой задачу смоделировать сценарий дальнейшего развития отношений между Соединенными Штатами и Исламской Республикой, но пытается спрогнозировать последствия такого столкновения для России и, основываясь на них, определить вектор российской политики в случае реализации такого сценария.

Авторы хотели бы выразить свою признательность руководству и сотрудникам РСМД и Программы MED Directions за возможность публикации данной работы. Выражаем особую признательность Андрею Кортуну и Луиджи Нарбоне за их советы и поддержку. Авторы также признательны Агнес Фавье, Адлану Маргоеву и Хамидрезе Азизи за их замечания и предложения по более ранним версиям этой работы и Бенджамину Карверу за его помощь в редактировании этой работы.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report69

Доклад является переводом на русский язык произведения «Research Project Report 2020/19 22 December 2020. The Fallout of the US-Iran Confrontation for Russia: Revisiting Factors in Moscow's Calculus» (авторы Abdolrasool Divsallar and Pyotr Kortunov), опубликованного Институтом Европейского университета и Центром перспективных исследований Роберта Шумана (<https://www.eui.eu>), доступного по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY 4.0) International license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Содержание

Введение	4
Заинтересованность Москвы в конфронтации	6
Ограничение потенциала США	6
Борьба за российскую поддержку	8
Возможность для диалога между Россией и ЕС	9
Обеспечение глобальной энергетической безопасности	11
Какие убытки понесет Россия от такой конфронтации	14
Потеря партнера, разделяющего общее бремя	14
Потери в области оружейного и ядерного экспорта	15
Меняющаяся геополитическая ситуация в Центральной Азии и на Кавказе	18
Препятствия на пути реализации российских целей в Сирии	21
Последствия для ближневосточной политики России	26
Заключение: предполагаемый ответ России	29
Об авторах	33

Введение

2020 год стал пиком военной напряженности между США и Ираном с момента завершения в 1987 г. «танкерной войны» (ирано-иракской войны). Политика максимального давления, проводимая администрацией Д. Трампа, и линия Ирана на сопротивление/применение ответных мер способствовали появлению новых противоречий¹. Несмотря на нежелание обеих сторон начинать военные действия, риск возникновения полномасштабного конфликта стал неизменным элементом напряженных отношений между США и Ираном. От нового президента США ожидают, что он найдет дипломатический подход к урегулированию кризиса, но риск эскалации ситуации вряд ли удастся существенно сократить в ближайшее время.

На протяжении всего 2021 года неизменными остаются несколько факторов, усугубляющих риск американо-иранской войны. Во-первых, нарушение обеими сторонами Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) осложняет выход из ядерного кризиса приемлемым для обеих сторон образом, что повышает вероятность эскалации конфликта. Во-вторых, если Вашингтон расценивает расширение своего санкционного режима как универсальный рычаг давления, то Тегеран рассматривает в качестве инструментов давления свой ядерный потенциал и стремительное развитие своей ракетной программы: ракеты средней и межконтинентальной дальности. Действия обеих сторон в сочетании с дефицитом доверия значительно затруднили процесс поиска компромисса. В-третьих, среди политиков Ирана нет согласия относительно ведения переговоров с США. Уходящее в отставку правительство Хасана Роухани стало структурно слабым, создавая конкуренцию между остающимися после его ухода центрами власти: им предстоит решить, кто будет вести переговоры и что будет предметом обсуждения. Эта ситуация будет сдерживать конструктивное взаимодействие с Соединенными Штатами до тех пор, пока 18 июля 2021 г. в Тегеране не будет избрано новое правительство.

В-четвертых, усиление антиамериканских настроений внутри «глубинного государства» и ставка Исламской Республики на стратегию сдерживания для противодействия американским угрозам сохраняют высокий риск непред-

¹ Решение Трампа 3 января 2020 г. убить высокопоставленного иранского генерала Касема Сулеймани и ответный ракетный удар Тегерана по американским базам в Ираке 8 января как никогда приблизили две страны к полномасштабной войне. Затем пандемия COVID-19 привела к нарастанию недовольства и враждебности, что обострило восприятие угрозы обеими сторонами: во время пандемии произошла велопозиция COVID, в связи с которой возросли шансы акторов на развертывание оппортунистической наступательной политики для получения военных рычагов. В апреле и мае подобное изменение в восприятии угрозы способствовало усилению военно-морской напряженности в Персидском заливе, поскольку обе стороны прибегли к демонстрации силы, чтобы исключить малейший намек на военную уязвимость. В июле 2020 г. ожесточенный дипломатический марафон в Совете Безопасности ООН по поводу продления эмбарго на поставки оружия Ирану после его истечения в октябре 2020 г. выявил еще одну проблему, которая может привести к эскалации. Даже результаты выборов в США породили новые спекуляции о том, что перед уходом администрация Трампа может принять дополнительные жесткие меры для повышения давления на Иран – и это повысило уровень напряженности. Многие считают, что убийство высокопоставленного чиновника Министерства обороны и ведущего физика-ядерщика Ирана Мохсена Фахриззаде является провокацией Израиля в поддержку проводимой США линии на Ближнем Востоке.

виденных столкновений. И наконец, в-пятых, в связи с провокациями, которые дестабилизируют ситуацию в регионе, такими как, к примеру, убийство высокопоставленного сотрудника Министерства обороны Ирана в ноябре 2020 г., существует риск столкновений между такими региональными акторами, как Иран и Израиль, что в конечном итоге вынудит США вмешаться.

Рассмотренные выше дестабилизирующие факторы могут повысить вероятность нового витка эскалации. Кроме того, если Иран решит перейти к созданию ядерного оружия, возникнет риск нанесения поддерживаемого США удара по иранским атомным объектам. История просчетов в Вашингтоне и Тегеране, отсутствие механизмов деэскалации и затруднения, которые испытывают международные акторы при выработке оперативных мер по предотвращению конфликтов, создают потенциал для смены вектора отношений между США и Ираном от напряженности к военной конфронтации. Каковы будут последствия такого сценария для России? Не заставят ли Москву последствия американо-иранской войны на Ближнем Востоке играть более активную роль в качестве посредника? Или Россия сделает выбор в пользу ослабления способности США проецировать силу, оказывая военную помощь Ирану?

В данной работе предпринимается попытка оценить соотношение возможных издержек и выгод для Москвы, которые и будут определять ее решения в случае начала американо-иранской войны. В первом разделе анализируются возможные выгоды, которые Москва может извлечь, если между Вашингтоном и Тегераном возникнет открытый конфликт; во втором – рассматриваются минусы такого сценария для российских интересов. В работе анализируются, как плюсы и минусы такого сценария повлияют на ближневосточную политику России. Мы полагаем, что издержки Москвы от такой войны будут угрожать основным интересам России на Ближнем Востоке и, таким образом, вероятно, являются ключевым фактором, определяющим российскую стратегию реагирования.

Заинтересованность Москвы в конфронтации

Ограничение потенциала США

Долгосрочное присутствие на Ближнем Востоке, вызванное военной конфронтацией с Ираном, втянет Вашингтон в длительные региональные конфликты, что помешает США переориентироваться на соперничество с другой великой державой – Россией. Военное противостояние с Ираном не повлияет на долгосрочные цели американской стратегии национальной безопасности, которые касаются конкуренции великих держав², но создаст ряд ограничений на возможности США использовать обычные вооружения, что может способствовать отклонению Вашингтона от своей стратегии. Как утверждают Элбридж Колби, один из авторов Стратегии национальной обороны США, и Весс Митчелл, война с Ираном «лишает какой-либо возможности добиться успеха в мире конкуренции великих держав»³, что связано как с геополитическими, так и ресурсными ограничениями.

Согласно военной концепции Ирана такого сценария, как ограниченная война с США, не существует. Любые военные действия Вашингтона на иранской территории приведут к ответным действиям Тегерана⁴, что увеличит вероятность выхода ситуации из-под контроля и перерастания в полномасштабную войну. Иранская доктрина массированного возмездия⁵ предполагает сдерживание американской угрозы посредством стратегии, направленной на то, чтобы сделать войну слишком дорогой для США. Иран стремится достичь этой цели, расширяя театр военных действий против связанных с США объектов по всему Ближнему Востоку. Для ответных мер США нужно установить боевые силы и средства на обширной географической территории, для чего, в свою очередь, требуются ключевые инструменты реализации, такие как стратегические воздушные перевозки и массированные логистические операции. Подобная ситуация влияет на способность проецирования американской мощи в горячих точках, которые имеют первостепенную важность в контексте конкуренции великих держав. Увеличение численности личного состава на Ближнем Востоке, вероятно, подвигнет Вашингтон пересмотреть принцип размещения своих военных сил в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, что даст России и Китаю больше возможностей для проведения независимой политики в этих регионах.

По словам советника по национальной безопасности США Роберта К. О'Брайена, данная ситуация разворачивается в то время, когда для про-

² National Security Strategy of the United States of America 2017 // The White House.
URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

³ Edelstein D.M. How the U.S.-Iran conflict could help China and Russia // The Washington Post. 15.01.2020.
URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/01/15/how-us-iran-conflict-could-help-china-russia/>

⁴ Сейед Али Хосейни Хаменеи. Речь среди преподавателей и деятелей культуры (на перс. کشور سراسر فرهنگیان و معلمان از جمعی دیدار در بیانات. // Khamenei.IR. 06.05.2015.
URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=29639>

⁵ Divsallar A. Will Iran Adopt A "Massive Retaliation" Doctrine? // LobeLog. 28.05.2019.
URL: <https://lobelog.com/will-iran-adopt-a-massive-retaliation-doctrine/>

тиводействия Китая и России американские войска за рубежом должны быть расставлены таким образом, чтобы их расположение отвечало современной международной обстановке и имелось больше возможностей передислоцирования сил, нежели в последние годы⁶. Иранский кризис потенциально является сдерживающим фактором, который ограничивает концентрацию американских войск, оттягивая их при необходимости из региона. Вашингтон был вынужден перебросить на Ближний Восток более 2,5 тыс. солдат в первой половине 2019 г., а также передислоцировать часть своей военной техники, которая ранее была выведена из региона. В октябре 2019 г. было объявлено о направлении еще 3 тыс. военнослужащих в Саудовскую Аравию⁷. Позиции США в Ираке также были дополнительно укреплены благодаря развертыванию систем противоракетной обороны «Patriot» в ответ на ракетный удар Ирана по базе «Эйн-Аль-Садд». Позднее, в мае 2020 г., США вывели часть своей военной техники из Саудовской Аравии⁸. Таким образом, кризис в отношениях с Ираном стал причиной частой ротации и перемещения американских войск на Ближнем Востоке, одновременно вынуждая американские войска поддерживать боевую готовность. Если ситуация выйдет из-под контроля, это может в целом повлиять на структуру распределения воинского контингента США в мире: появится потребность в направлении большего количества американских военнослужащих на Ближний Восток. Россия особенно выиграет от ограничения возможности США реагировать в Восточной Европе после американо-иранской войны или на ее начальном этапе.

Более того, конфронтация с Ираном может привести к замедлению развития технологий, как это было во время долгосрочных военных действия США на Ближнем Востоке. Борьба с таким противником среднего эшелона как Иран заставит США уделять больше внимания созданию систем вооружений, необходимых для проведения субконвенциональных операций и действий по борьбе с повстанцами, а не разработке продвинутой технологии, которой занимаются равные по статусу конкуренты, такие как Россия. Хотя подобные изменения могут существенно повлиять на ядерную политику США и напоминать тенденцию, наблюдаемую с середины 2000-х гг., издержки на проведение такой линии постепенно направят Пентагон в фарватер менее экспансивной оборонной стратегии⁹. Именно такой, вероятно, и будет реакция США на ограниченность ресурсов и растущие потери в ходе военных действий.

Джим Мэттис, на тот момент занимавший должность госсекретаря, в апреле 2018 г. описал негативные последствия поддержания режима бое-

⁶ O'Brien R.C. Why the U.S. Is Moving Troops Out of Germany // Wall Street Journal. 21.06.2020.
URL: <https://www.wsj.com/articles/why-the-u-s-is-moving-troops-out-of-germany-11592757552>

⁷ Stewart P., Ali I. U.S. says deploying more forces to Saudi Arabia to counter Iran threat // Reuters. 11.10.2019.
URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-attacks-exclusive/u-s-says-deploying-moreforces-to-saudi-arabia-to-counter-iran-threat-idUSKBN1WQ21Z>

⁸ Baldor L.C. US pulls anti-missile systems from Saudi Arabia amid dispute // AP News. 07.05.2020.
URL: <https://apnews.com/article/2f2a7fd8afa0faf06edbf9a12c063c60>

⁹ Brands H., Montgomery E.B. One war is not enough: strategy and force planning for great-power competition. [Texas National Security Review], 2020, vol. 3, no. 2. pp. 81-92.

вой готовности в условиях самой продолжительной непрерывной войны в истории США. Такое длительное пребывание в регионе привело к чрезмерной нагрузке на армию и дефициту ресурсов¹⁰. Острый конфликт с Ираном приведет к введению бюджетных ограничений и одновременно с этим к возникновению новых оперативных потребностей, что не позволит США осуществлять инвестиции в передовые военные технологии на должном уровне. Подобная тенденция скажется на способности Пентагона реагировать на российские программы военной модернизации, тем самым ставя возможность США конкурировать на мировой арене с такими ведущими военными державами, как Китай и Россия, под угрозу¹¹.

Борьба за российскую поддержку

Москва и Тегеран создали коалицию с ограниченным числом участников, в основе которой лежит концепция баланса в регионе, поддерживая на дипломатическом уровне идею сохранения СВПД, отвергая призывы США продлить эмбарго на поставки оружия и проводя совместные военно-морские учения. Москва также сыграла определенную роль в блокировании попыток давления на Иран, которые осуществлялись в связи с поставками оружия хуситам в Йемене¹². Кремль способствовал ослаблению напряженности в Персидском заливе, предложив Концепцию коллективной безопасности в зоне Персидского залива¹³, которая в основном отражает цель Ирана создать систему безопасности в Персидском заливе под эгидой ООН вместо американской архитектуры безопасности. Однако с политической точки зрения ни один из этих вариантов не был достаточно эффективным, чтобы существенным образом повлиять на эволюцию американо-иранской напряженности. Вместо этого у Москвы появилось больше рычагов давления в переговорах с Эр-Риядом и Тель-Авивом по оказанию им поддержки на более выгодных для России условиях. Неуверенность в том, как РФ отреагирует на американо-иранский конфликт, усиливает конкуренцию между Тель-Авивом, Эр-Риядом и Тегераном за привлечение поддержки Москвы, что подчеркивает выгодную позицию Кремля.

Вашингтон также, вероятно, будет стремиться к ослаблению любой возможности России оказывать дипломатическую и военную поддержку Ирану. Во-первых, Вашингтон может попытаться свести к минимуму дипломатическую поддержку Москвы Тегерану, поскольку ее отсутствие важно для сохранения режима изоляции Ирана. Дипломатическое молчание Москвы

¹⁰ Secretary Of Defense Jim Mattis Senate Armed Services Committee Written Statement For The Record Thursday // U.S. Senate Committee on Armed Services. 26.04.2018.

URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Mattis_04-26-18.pdf

¹¹ Brose C. The New Revolution in Military Affairs // Foreign Affairs. 16.04.2019.

URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/new-revolution-military-affairs>

¹² Gladstone R. Russia Vetoes U.N. Resolution to Pressure Iran Over Yemen Missiles // New York Times. 26.02.2018.

URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/26/world/middleeast/iran-yemen-security-council.html>

¹³ Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3733575?p_p_id=101_INSTANCE_xIEMTQ3OvzcA&_101_INSTANCE_xIEMTQ3OvzcA_languageId=en_GB

или ее сдержанная реакция помогут Вашингтону сформировать глобальный консенсус против Тегерана и представить его как совместные усилия мирового сообщества. Во-вторых, Соединенным Штатам важно удержать Москву от оказания Тегерану какой-либо финансовой или военной помощи в случае возникновения открытого конфликта. Россия входит в число немногих стран, которые поддерживают рабочие отношения с Ираном в области обороны; она также обладает военным потенциалом для оказания помощи в возможном конфликте. В зависимости от степени риска, на который готова пойти Москва, любое военное участие России в оказании помощи Тегерану может помешать США. Подобный вариант развития событий вызывает у Вашингтона желание заручиться поддержкой России в отношении иранской военной стратегии США. И, в-третьих, Вашингтон стремится предотвратить возможное конъюнктурное поведение России, которое может губительно сказаться на соперничестве двух великих держав – США и России.

Власти США были готовы заявить о своем желании заручиться поддержкой Москвы в военной операции против Исламской Республики. В последний раз подобные намерения озвучивались Соединенными Штатами в июне 2019 г. в Тель-Авиве во время совместного совещания секретарей Совета безопасности США, России и Израиля¹⁴. Если бы Вашингтон стремился заручиться поддержкой России в войне с Ираном, он пошел бы на некоторые уступки, например, ослабление политического или экономического давления на Москву. Однако такой вариант развития событий трудно себе представить из-за проводимой Москвой с 2012 г. политики на Ближнем Востоке, основанной на противодействии американским интервенциям, и глубокого недоверия между Вашингтоном и Москвой, хотя он потенциально может стать фактором улучшения позиций Москвы на российско-американских переговорах.

Возможности диалога между Россией и ЕС

Москва и Брюссель разделяют мнение о том, что СВПД стал примером успеха многосторонней дипломатии и мог сдержать одну из величайших угроз режиму нераспространения и мира в целом – появление у Ирана ядерного оружия¹⁵. Кроме того, Россия и ЕС разделяют мнение об ошибочности проводимой администрацией Д. Трампа политики в сложившейся ситуации и осуждают негативную роль, которую сыграли США, выйдя в одностороннем порядке из СВПД. Общее недовольство Москвы и Брюсселя действиями США поспособствовало дипломатическому сотрудничеству между ЕС и Россией с целью спасения иранского ядерного соглашения.

Неспособность администрации Трампа идти на компромисс и отсутствие какого-либо желания рассматривать ЕС как равноправного партнера стали

¹⁴ Stewart P. U.S. seeks Russian support on Iran at key Israel meeting: source // Reuters. 05.06.2019.
URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-russia/u-s-seeks-russian-support-on-iran-at-key-israel-meeting-sourceidUSKCN1T5305>

¹⁵ Mogherini F. The Iran nuclear deal is a success – and the whole world is safer for it // The Guardian. 17.01.2017.
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/17/iran-nuclear-deal>

причиной возникновения разногласий между Вашингтоном и Брюсселем по иранскому кризису. Одно из последних разногласий возникло на почве продления эмбарго на поставки вооружения Ирану: стороны заняли противоположные позиции. Министры иностранных дел Франции, Великобритании и Германии отвергли попытки США задействовать механизм введения повторных санкций в отношении Ирана, что фактически положило бы конец СВПД. Министры иностранных дел в совместном заявлении от 30 мая заявили: «Мы твердо уверены в том, что любая односторонняя попытка спровоцировать автоматический возврат санкций ООН будет иметь сильные негативные последствия для Совета Безопасности ООН. Мы не будем поддерживать подобное решение, которое будет несовместимо с осуществляемыми сейчас усилиями по сохранению СВПД»¹⁶. В том же заявлении европейские министры высказались за обсуждение этого вопроса в тесной координации с Россией из-за совпадающих взглядов обеих сторон. В свою очередь Сергей Лавров присоединился к позиции ЕС, заявив, что «Россия также полна решимости противостоять любым попыткам использовать ситуацию для манипулирования Советом Безопасности ООН и готова поднять этот вопрос во всех многосторонних международных форматах»¹⁷.

Напряженность в отношениях между США и Ираном предоставила Москве столь необходимую возможность улучшить свои дипломатические позиции в Европе. Отношения между Брюсселем и Москвой увязли в паутине стратегических проблем, при этом позиция как ЕС, так и России, скорее всего, станет слабее после реструктуризации международных отношений, вызванной пандемией¹⁸. Тем не менее, скромную возможность, которую может предоставить сотрудничество ЕС и России по иранскому вопросу, нельзя попросту игнорировать. Продолжающийся кризис на Ближнем Востоке заставил многих в Европе обратиться к Брюсселю с призывом активизировать диалог с Москвой, чтобы спасти СВПД, а также разрядить напряженность, достигшую своего пика после убийства американцами генерала К. Сулеймани¹⁹.

Опасения, связанные с перспективой деактуализации СВПД, стали катализатором в отношениях с Россией. В 2015 г., когда велись переговоры по СВПД, иранский кризис предоставил Москве аналогичную возможность осуществлять дипломатические маневры, вплоть до того, что занимавшая на тот момент должность Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини заявила, что Россия рассматривается ЕС как надежный участник переговоров по иранской

¹⁶ E3 foreign ministers' statement on the JCPOA: 19 June // The Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/government/news/e3-foreign-ministers-statement-on-the-jcpoa-19-june>

¹⁷ Russia opposed to attempts to manipulate UNSC on Iran nuclear deal // TASS. 16.06.2020. URL: <https://tass.com/politics/1168137>

¹⁸ Kortunov A. How the Pandemic Will Change EU-Russian Relations // Carnegie Moscow Center. 08.07.2020. URL: <https://carnegie.ru/2020/07/08/how-pandemic-will-change-eu-russian-relations-pub-81894>

¹⁹ A call for increased European de-escalation efforts in the Middle East // European Council on foreign relations. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_a_call_for_increased_european_de_escalation_efforts_in_the_midd/; Baklitskiy A., Margojev A. Saving the JCPOA: the EU has to work with Russia and China // European Leadership Network. 23.04.2018. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/saving-the-jcpoa-the-eu-has-to-work-with-russia-and-china/>

ядерной программе²⁰. Разговоры о судьбе СВПД также стали неотъемлемым элементом диалога между российскими и европейскими лидерами. Тот факт, что Москва разделяет обеспокоенность по многим европейским проблемам, а также стремится к поиску многосторонних решений, способствовало укреплению образа России как страны, придерживающейся коллективного подхода к принятию решений. Москва стремится сохранить этот статус, поскольку считает, что он может проложить путь для будущего стратегического диалога с Европейским Союзом. Что еще более важно, Кремль рассматривает ситуацию как возможность представить себя ответственным актором, способным гарантировать соблюдение международных норм. Как утверждает Ричард Саква, последнее определяет долгосрочную цель внешней политики России²¹.

С другой стороны, расхождения во взглядах Америки и Европы во времена администрации Д. Трампа привели к постоянным конфликтам между союзниками. С приходом нового президента, Д. Байдена, есть вероятность, что на смену проблемным отношениям, связанным с различием во взглядах между США и ЕС по иранской проблеме, придет новая эра дипломатического сотрудничества. Однако потенциал для расхождений существует – если вдруг начнется полномасштабный конфликт между США и Ираном без мандата ООН. Россия, в свою очередь, рассматривает такую возможность в качестве удобного случая для дальнейшего сплочения сил против Вашингтона, и как альтернативный способ давления на болевые точки, появляющиеся в отношениях между членами альянса НАТО.

Обеспечение глобальной энергетической безопасности

Турбулентность в ближневосточном регионе помогает укрепить позиции России как стабильного поставщика энергоресурсов, у которого в ближайшем будущем практически не предвидится появление геополитических рисков, способных повлиять на добычу и транспортировку ее нефтяных ресурсов. Основным противоречием в интересах России и Ирана является их конкуренция на мировом энергетическом рынке. Как российская, так и иранская экономики зависят от доходов, получаемых от экспорта нефти и газа, поэтому снижение иранской доли на топливном рынке, наблюдаемое с 2018 г., стало для России хорошей новостью и побудило Москву активизировать свои усилия по вытеснению Тегерана с мирового энергетического рынка, что особенно заметно в Европе, где после повторного введения американских санкций в 2018 г. страны-импортеры нефти начали отказываться от закупки нефти у Ирана²². Такие экстерриториальные санкции нанесли значительный ущерб иранской нефтяной промышленности; это повлекло серьезные негативные последствия: снижение возможности страны экспор-

²⁰ Iran talks success opens prospects for EU-Russia cooperation — Mogherini // TASS. 15.07.2015.
URL: <https://tass.com/world/808779>

²¹ Sakwa R. *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge University Press, 2017. 370 p.

²² Faucon B. *Stealing Its Oil Customers, Russia Throws Iran a Lifeline—and Thumbs Its Nose at U.S.* // Wall Street Journal. 07.11.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/russia-is-surprise-beneficiary-of-iranian-oil-ban-1541609785>

тировать нефть. Кроме того, поскольку Тегеран был лишен возможности своевременно инвестировать в свои газовые месторождения, перспективы выхода страны на мировой газовый рынок в ближайшем будущем уже не выглядят такими радужными, однако Россия, судя по всему, считает ситуацию вполне благоприятной.

Выход Трампа из СВПД и повторное введение санкций в отношении иранской экономики произошли в наиболее благоприятное для Москвы время, поскольку сочетание этих событий с кризисом в Ливии и Венесуэле практически вывело миллионы баррелей с нефтяного рынка. Только Венесуэла была вынуждена сократить свой экспорт нефти до 770 тыс. барр. в сутки²³, в то время как экспорт Ирана снизился и находился в широком диапазоне от 400 тыс. до 1,5 млн барр. в сутки²⁴. В то же время соглашение России с Организацией стран – экспортеров нефти (ОПЕК) помогает ограничить темпы добычи нефти, чтобы справиться с падением цен. Хотя непонятно, сможет ли Россия полностью заменить иранскую нефть, она в любом случае получает выгоду от колебания цен. Последствия нападений на нефтяные объекты *Saudi Aramco* в сентябре 2019 г. наглядно демонстрируют, насколько повышение цен на нефть в связи с напряженностью в богатом ресурсами регионе сыграло на руку России. Как отмечает один ведущий московский обозреватель, для России повышение цены на нефть даже на один доллар ежедневно приводит к дополнительным 7,5 млн долл. экспортной выручки, причем около 75% из этой прибыли поступает в федеральный бюджет²⁵. В случае открытой конфронтации между Тегераном и Вашингтоном рынок столкнется с еще большим дефицитом предложения нефти не только со стороны Ирана, но и со стороны всех нефтедобывающих стран на Ближнем Востоке, что приведет к беспрецедентному скачку цен.

В рамках своей стратегии сдерживания армия Ирана без колебаний нанесет ущерб особенно важным объектам инфраструктуры нефтяной промышленности на Аравийском полуострове. Если Тегеран решит нанести ответный удар США, мишенью могут стать как маршруты транспортировки нефти, так и инфраструктура нефтедобычи, что создаст серьезные проблемы для устойчивого снабжения нефтью во время кризиса. Нападения на танкеры в мае 2019 г. продемонстрировали, насколько уязвимы сети поставок нефти в Персидском заливе, в то время как атаки на *Aramco* выявили всю серьезность проблемы уязвимости объектов нефтедобычи. В результате полномасштабного военного конфликта возможности местных нефтяных гигантов по экспорту нефти будут подорваны. Такое развитие событий способно переломить ситуацию на мировых нефтяных рынках в пользу России, в условиях нарушения как добычи, так и

²³ Parraga M., Guanipa M. Venezuelan oil exports fall to lowest level in 2019 as U.S. sanctions bite: data // Reuters. 03.09.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-oil-exports/venezuelan-oil-exports-fall-to-lowest-level-in-2019-as-u-s-sanctions-bite-data-idUSKCN1V01Y0>

²⁴ Sharafedin B., Lawler A. Iran's oil exports jump in September defying sanctions: TankerTrackers // Reuters. 25.09.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-oil-exports-idUSKCN26G1VA>

²⁵ Nicholson A. Russia's Ruble Jumps on Oil Spike as Rosneft Leads Stock Gains // Bloomberg News. 16.09.2019. URL: <https://www.bnnbloomberg.ca/russia-s-ruble-jumps-on-oil-spike-as-rosneft-leads-stockgains-1.1316557>

транзита нефти, укрепляя позиции Москвы как гаранта глобальной энергетической безопасности. Если геополитические риски в условиях любого крупномасштабного конфликта на Ближнем Востоке и существуют для нефтяной промышленности РФ, то они будут носить ограниченный характер. Такое преимущество помогает России восполнить этот пробел и представить себя в качестве надежного поставщика энергоресурсов. Москва также может найти новые возможности отстаивать некоторые свои долгосрочные цели по транспортировке нефти через Северный морской путь. Владимир Путин подчеркнул важность Арктического морского пути для глобального роста и процветания, назвав его «глобальным и конкурентоспособным маршрутом, соединяющим северо-восточную, восточную и юго-восточную Азию с Европой»²⁶. Волнения в Персидском заливе могут повысить привлекательность Северного морского пути России как альтернативного энергетического и торгового коридора²⁷. Со стратегической точки зрения напряженность в ближневосточном регионе предоставляет Москве возможность зарекомендовать себя как надежного поставщика энергоресурсов, обеспечивая либо безопасный маршрут транспортировки, либо устойчивый уровень производства нефти.

²⁶ Putin Steps Up Talks With Beijing Over Arctic Shipping // The Moscow Times. 30.04.2019.
URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/04/30/putin-steps-up-talks-with-beijing-over-arctic-shipping-a65436>

²⁷ Gvosdev N. Russia is the real winner in any US-Iran conflict // The Hill. 09.05.2019.
URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/442843-russia-is-the-real-winner-in-any-us-iran-conflict>

Какие убытки понесет Россия от такой конфронтации

Потеря партнера, разделяющего общее бремя

Потеря такого регионального актора, как Исламская Республика, для Москвы означает потерю партнера, который разделяет бремя противодействия мировому порядку, возглавляемому США; в отношениях с которым угроза не будет восприниматься так остро²⁸. Вот уже на протяжении почти десяти лет Россия и Иран объединяют свои ресурсы и оперативные данные на региональном уровне для компенсации дефицита своих ресурсов. При отсутствии такого сотрудничества России на достижение тех же целей придется задействовать больше ресурсов. Общее стремление двух стран к многополярному миру придает силы каждой из сторон, и неудача любой из них может серьезно повлиять на усилия, направленные на более масштабную перспективу: пересмотр миропорядка, во главе которого стоит Вашингтон. Систематическая оппозиция Исламской Республики Америке является наиболее устойчивой и существенной угрозой для Вашингтона как ведущего актора в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Отставка правительства в Тегеране разрушит последнее серьезное препятствие на пути создания возглавляемой США архитектуры безопасности на Ближнем Востоке; такой риск существенно ограничивает возможности Москвы, стремящейся быть противовесом Вашингтона в ближневосточном регионе и Средиземноморье.

До сих пор упорное противостояние Ирана планам Вашингтона было на удивление эффективным, благодаря чему доверие к Америке в вопросах обеспечения безопасности на Ближнем Востоке снизилось²⁹. И конечно, Россия пытается обратить это себе на пользу. Выход Д. Трампа из СВПД и его кампания по оказанию максимального давления создали ситуацию, за которую Москва ухватилась, называя «демонстрацией лицемерного характера западного порядка, основанного на нормах и правилах, и признаком утраты моральной легитимности»³⁰. На региональном уровне возросло недоверие к американскому «зонтику безопасности» после того, как Д. Трамп никак не отреагировал на поддерживаемые Ираном атаки на объекты *Saudi Aramco* в 2019 г. и ракетные удары по американским базам в Ираке. Неудовлетворенность Европейского Союза политикой Вашингтона поставило под вопрос состоятельность внешней политики ЕС, вынуждая европейский бизнес отказаться от торговых отношений с Ираном. Неспособность ЕС спасти СВПД, среди прочего, подогрела дискуссии о надежности Вашингтона как миро-

²⁸ Divsallar A. The Pillars of Iranian-Russian Security Convergence. [The International Spectator], 2019, vol. 54, no. 3, pp. 107-122

²⁹ Camelos M. Is a new world order emerging to replace US hegemony? // Middle East Eye. 26.04.2019. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/new-world-order-emerging-replace-us-hegemony>

³⁰ Sushentsov A. A Russian View on America's Withdrawal from the Iran Deal // The National Interest. 15.05.2018. URL: <https://nationalinterest.org/feature/russian-view-americas-withdrawal-the-iran-deal-25836>

вого лидера и о необходимости более высокой стратегической независимости Европы³¹.

С военной точки зрения Вашингтон рассматривает Тегеран как самый серьезный вызов свободе своих военных действий на Ближнем Востоке³². Хотя цель Ирана вытеснить США с Ближнего Востока далека от реализации на практике, она тем не менее ограничивает возможность Соединенных Штатов продемонстрировать свою силу. Пока такое намерение сохраняется, Россия может быть уверена в том, что в условиях вовлечения США в конфронтацию с Ираном ее стремления создать архитектуру безопасности во главе с Америкой будут в достаточной мере сдерживаться. В то же время, поскольку ресурсы России, которые она может направить на Ближний Восток, ограничены, любая возможность их сокращения будет приветствоваться. Исчезновение или ограниченное участие Исламской Республики в делах региона поставят Москву перед нежелательным выбором: либо значительно увеличить свое финансовое и военное участие, либо в целом перестроить свою ближневосточную политику на основе модели безопасности во главе с США.

Потери в области оружейного и ядерного экспорта

Ядерный и оружейный экспорт являются ключевыми источниками поступлений в федеральный бюджет России и в то же время важными аспектами российско-иранских отношений. Открытый конфликт между США и Ираном помешает планам Москвы по продаже вооружений и ядерных товаров и технологий Тегерану, но, что более важно, такая конфронтация не оставит России шансов разыграть иранскую карту для увеличения своей доли на рынке Ближнего Востока. Для РФ в постковидную эпоху такие издержки могут оказаться еще выше, нежели ожидалось ранее.

В области ядерного сотрудничества Москва совместно с Тегераном с 1990-х гг. ведет работы по завершению строительства Бушерской электростанции. Подписание контракта о строительстве реактора «Бушер-1» стало первым зарубежным договором российского атомного машиностроения после падения Советского Союза и распада Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Два десятилетия спустя в 2011 г., инвестировав примерно 11 млрд долл.³³ и преодолев многочисленные инженерно-технические проблемы³⁴, Иран и российский Росатом открыли первую действующую атомную электростанцию в регионе.

³¹ Lippert B., von Ondarza N., Perthes V. European Strategic Autonomy // German Institute for International and Security Affairs. March 2019.

URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2019RP04_lpt_orz_prt_web.pdf

³² Coats D.R. Worldwide threat assessment of the US intelligence community // Office of the Director of National Intelligence. 29.01.2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf>

³³ Vaez A., Sadjadpour K. Iran's Nuclear Odyssey: Costs and Risks // Federation of American Scientists. 03.04.2013. URL: <https://fas.org/pub-reports/new-report-analyzing-irans-nuclear-program-costs-risks/>

³⁴ Khlopkov A., Lutkova A. The Bushehr NPP: Why did it take so long? // Center for Energy and Security Studies. 21.08.2010. URL: <http://ceness-russia.org/data/doc/TheBushehrNPP-WhyDidItTakeSoLong.pdf>

С момента ввода в эксплуатацию реактора «Бушер-1» Иран был решительно настроен на заключение еще одного соглашения с Москвой, стремясь продолжить работу по укреплению своей ядерной инфраструктуры. В ноябре 2014 г. Москва и Тегеран подписали договор, по которому Росатом обязался построить в Иране еще два ядерных реактора к 2026 г.³⁵ Несмотря на крайне отрицательное воздействие санкций США на иранскую экономику, Москва и Тегеран продолжают выступать за соблюдение условий контракта. Генеральный директор Росатома дал ясно понять, что не приемлет давления со стороны США, подчеркнув, что «Росатом всегда соблюдал свои обязательства по международному праву»³⁶.

Общая стоимость контрактов в рамках существующего ядерного соглашения Тегерана с Москвой оценивается примерно в 10 млрд долл. США³⁷, что составляет целых 7% от общей стоимости контрактов Росатома по всему миру³⁸.

Несмотря на сложности в финансовых транзакциях, связанных с этими контрактами, и опасения Росатома по поводу односторонних ограничений США из-за его проектов в Иране, доход от этих соглашений важен для Москвы. В случае войны ядерные объекты Ирана станут потенциальными целями для военных ударов США. Разрушение уже существующей ядерной инфраструктуры в Иране, скорее всего, деактуализирует заключенную ранее сделку и исключит возможность подписания последующих договоров.

Аналогичная ситуация и с экспортом вооружений: Россия стремится не упустить шанс подписать новый контракт с Ираном. РФ является вторым в мире экспортером вооружений – в 2011-2017 гг. она контролировала 24% мирового рынка экспорта вооружений, что составляет целых 4% от ее ВВП. Пандемия COVID-19 может убедить руководство страны еще больше увеличить объемы продажи оружия как основного альтернативного источника дохода для компенсации возникающих экономических трудностей, с которыми столкнулась ресурсо-ориентированная экономика России.

Однако, стараясь сохранить свои показатели по продаже оружия на прежнем уровне, Москва пытается решить два вида проблем: традиционные и новые. После появления таких конкурентов, как Китай и Южная Корея, России становится все труднее проникать на новые рынки, а также сохранять свое присутствие на уже существующих. Это означает, что привлечение новых потенциальных партнеров и подписание новых контрактов является жизненно важной необходимостью для полноценного функционирования

³⁵ Савосин Д. Росатом официально приступил к строительству АЭС Бушер-2 в Иране // Neftgaz.RU. 18.09.2018.
URL: <https://neftgaz.ru/news/nuclear/198445-rosatom-ofitsialno-pristupil-k-stroitelstvu-aes-busher-2-v-irane/>

³⁶ Лихачев о ситуации с СВГД: Росатом выполняет все обязательства // РИА Новости. 09.05.2019.
URL: <https://ria.ru/20190509/1553382966.html>

³⁷ Какова стоимость двух ядерных реакторов в Иране согласно данным российских источников? (на перс. (روسى منابع روايت به بوشهر نيروگاه واحد دو ساخت هزينه. // Deutsche Welle. 12.09.2016.
URL: <https://www.dw.com/fa-ir/اى-سور-مخبرانمى-اور-مب-ر-هشوب-هاگور-ين-دخ-او-دست-خاس-هن-يز-ا-19545311>

³⁸ Rosatom Projects // The State Atomic Energy Corporation Rosatom. URL: <https://rosatom.ru/en/investors/projects/>

российской оборонной промышленности³⁹. Кроме того, возникли новые проблемы, вызванные пандемией. Глобальный экономический кризис, связанный с COVID-19, негативно влияет на покупательную способность стран, приобретающих российское оружие, что делает еще более важным стабильное заключение новых торговых соглашений для России.

Сочетание этих факторов повышает значимость заключения новых оружейных контрактов с Тегераном. Согласно СВПД, введенное ООН оружейное эмбарго в отношении Тегерана⁴⁰, действовавшее с 2006 г., было снято 18 октября 2020 г. Москва решительно отвергла прозвучавшие призывы США в 2019 г. пересмотреть эту статью с целью повторного введения эмбарго на поставки оружия Тегерану. Россия сохранила приверженность своей политике и в ходе заседания Совета Безопасности ООН, состоявшегося 30 июня, выступила против американского проекта резолюции о бессрочном продлении эмбарго на поставки оружия Тегерану. Постпред России при ООН обрушился на американский план с резкой критикой, а заместитель министра иностранных дел Сергей Рябков дал понять, что «для нас дело о существующем запрете на поставки оружия в Иран и из Ирана было закрыто с принятием резолюции 2231. Режим эмбарго истекает в октябре этого года»⁴¹.

Тот факт, что Россия стала крупнейшим поставщиком оружия Ирану после 1979 г., имеет значение для обеспечения подписания контрактов в будущем. После сделок 1989 и 2000 гг., когда Москва поставляла Тегерану крупные системы вооружения, последним резонансным соглашением стал, вызвавший неоднозначную реакцию в мире, контракт по поставкам систем ПВО, в рамках которого в 2016 г. в Иран были доставлены четыре зенитно-ракетные системы С-300 ПМУ-2 стоимостью 1 млрд долл. Военно-техническое и промышленное сотрудничество между Москвой и Тегераном приобрело системный характер с подписанием СВПД после создания в 2016 г. совместной военной комиссии. Сегодня отношения двух стран в области военного сотрудничества развиваются в положительном направлении благодаря улучшению планирования, беспрецедентному количеству регулярных военных и разведывательных контактов⁴² на высшем уровне и оперативным связям, установленным в Сирии.

Частые встречи высокопоставленных представителей военно-промышленных комплексов (ВПК) России и Ирана породили спекуляции о возможности

³⁹ Bret C. Armaments Exports (Industries in Russia and China: players and strategies) // The European Union Institute for Security Studies. December 2017.

URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Report_38_Defence-industries-in-Russia-and-China.pdf

⁴⁰ Nichols M. Pompeo warns of 'new turmoil' if U.N. arms embargo on Iran lifted in 2020 // Reuters. 20.08.2019.

URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-un/pompeo-warns-of-new-turmoil-if-u-n-arms-embargo-on-iran-lifted-in-2020-idUSKCN1VA253>

⁴¹ Korso T. Moscow: UN Weapons Embargo on Iran Can't Be Prolonged Despite US Efforts // Sputnik News. 30.04.2020.

URL: <https://sputniknews.com/world/202004301079144447-moscow-un-weapons-embargo-on-iran-cant-be-prolonged-despite-us-efforts/>

⁴² Мехди Санаи. Иранско-российское военное сотрудничество не имеет аналогов

(на перс. همکاری-های نظامی-ایران-و-روسیه-بی-سابقه-است) // Mehr News Agency. 18.04.2017.

URL: <https://www.mehrnews.com/news/3956651/همکاری-های-نظامی-ایران-و-روسیه-بی-سابقه-است>

заклучения соглашения о поставках вооружений. По утверждению российских источников переговоры о сделке с Ираном велись в апреле 2019 г.⁴³ Директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России Дмитрий Шугаев в начале 2019 г. заявил, что после 2020 г. Россия может принять участие в укреплении береговой обороны Ирана⁴⁴. Позднее, 29 июля 2019 г., Командующий ВМС Ирана объявил о подписании соглашения со своим российским коллегой, которое регулирует взаимодействие военно-морских сил двух стран по вопросам обороны⁴⁵. Предположения о возможности заключения соглашения были подтверждены в мае 2020 г. послом Ирана в Москве Каземом Джалали, заявившим, что несколько стран выдвинули Тегерану свои предложения по продаже вооружений⁴⁶.

Хотя комплектация оружейных систем, предназначенных для продажи Тегерану, может варьироваться в зависимости от влияния его политики на Аравийский полуостров, американо-российских отношений и израильско-российских отношений, Москва, видимо, преисполнена решимости продолжать продажу вооружений Тегерану в той или иной форме. А между тем продажа оружия является потенциальным инструментом для того, чтобы подтолкнуть Саудовскую Аравию и ОАЭ к покупке российского оружия⁴⁷. Как утверждает Марк Кац, Москва, возможно, захочет приостановить продажу Тегерану определенных видов оружия, которых больше всего опасается Эр-Рияд, получив в качестве компенсации контракты на закупку российского оружия Саудовской Аравией и ОАЭ. Таким образом, Москва может воспользоваться продажей оружия Тегерану как средством достижения более масштабной цели – выход на прибыльный рынок вооружений региона Персидского залива. Впоследствии конечная выручка от продажи вооружений Ирану будет значительно выше суммы, прописанной в официальных соглашениях между Москвой и Тегераном.

Меняющаяся геополитическая ситуация в Центральной Азии и на Кавказе

За последние три десятилетия Исламская Республика зарекомендовала себя в качестве надежного партнера России в Центральной Азии и на Кавказе, который признает геополитические интересы Москвы. Тегеран относит себя как к числу среднеазиатских держав, так и к числу ближневосточных. Однако, ни в Центральной Азии, ни на Кавказе Иран не стремится к какой-либо «ревизионистской» стратегии проецирования силы, что резко отли-

⁴³ Mardasov A. Will Russia provide missiles to 'close the entire sky' over Iran? // Al-Monitor. 22.01.2020.
URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/01/russia-iran-us-military-deals.html>

⁴⁴ Глава ФСВТС ждет начала нового этапа взаимодействия России с Ираном // РИА Новости. 06.02.2019.
URL: <https://ria.ru/20190206/1550442313.html>

⁴⁵ Россия и Иран подписали меморандум о расширении военного сотрудничества // РБК. 29.07.2019.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d3f4cf19a7947c71b862008>

⁴⁶ Россия не исключает переговоров о вооружении Ирану после снятия эмбарго // РИА Новости. 13.05.2020.
URL: <https://ria.ru/20200513/1571366065.html>

⁴⁷ Katz M.N. Moscow is not buying Pompeo's Iran snapback sanctions logic // Atlantic Council. 09.06.2020.
URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/iransource/moscow-is-not-buying-pompeos-iran-snapback-sanctions-logic/>

чается от его ближневосточного курса. Вместо этого он придерживается консервативной линии – сохранения статус-кво на своих северных границах. Российские власти позитивно оценивают усилия Ирана в этих регионах, поскольку они одновременно направлены на стабилизацию ситуации и противостояние вмешательству Запада⁴⁸ в ЦА и на Кавказ, а в последнее время и на противодействие агрессивной пропаганде Турции своей политической повестки. На российское восприятие ситуации ключевым образом влияет российско-ориентированная политика Исламской Республики, проводимая в Центральной Азии и на Кавказе. По словам бывшего посла Ирана в РФ, «Иран признает Россию как лидера, выступающего гарантом соблюдения баланса интересов»⁴⁹.

Однако насильственная смена режима в Тегеране и появление недружественного по отношению к России правительства окажут существенное влияние на развитие геополитической ситуации в Центральной Азии и Закавказье в будущем. Подобный сценарий поставит под угрозу российские интересы в силу трех основных причин.

Во-первых, война в Иране повышает риск скачка таких традиционных дестабилизирующих факторов в Центрально-Азиатском регионе, как рост радикализма и наркотрафика. В состоянии конфликта Тегеран больше не сможет помешать джихадистским группировкам в Ираке и Сирии объединиться со своими единомышленниками в Афганистане и наоборот⁵⁰. Действительно, способность страны эффективно выполнять функцию географического барьера на пути этих сил снизится. Такая ситуация может потенциально привести к нарастанию угрозы со стороны джихадистов, поскольку у них появятся новые возможности для перегруппировки сил, а проведение международных антитеррористических кампаний будет осложнено. Кроме того, как показывают предыдущие конфликты на Ближнем Востоке, именно джихадисты являются конечными бенефициарами кризиса раздираемых войной стран, страдающих от слабой государственности. Этот факт повышает вероятность трансформации Ирана в точку притяжения для таких групп, как Исламское государство (ИГ – организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), Аль-Каида (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ) или аналогичных экстремистских группировок. Такое развитие событий бросает Центральную Азию и Южный Кавказ в пучину мощной дестабилизирующей динамики, которая усугубляет угрозы для России в ближнем зарубежье.

Во-вторых, перетекание новых факторов нестабильности из Ирана в Центральную Азию, а также неспособность России гарантировать безопасность

⁴⁸ Kozhanov N. Russia's Relations with Iran: Dialogue without Commitments // The Washington Institute. 11.06.2012.
URL: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/PolicyFocus120.pdf>

⁴⁹ Мехди С. Социально-политические проблемы отношений Исламской Республики Иран со странами СНГ: Центральноазиатский регион: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Санаи Мехди; науч. рук. А.М. Васильев; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Москва, 2001. – С. 128

⁵⁰ Divasallar A., Otte M. Reviving the Security Function: The EU's Path to Save the JCPOA // EGMONT – The Royal Institute for International Relations. 24.07.2019.
URL: <http://www.egmontinstitute.be/reviving-the-security-function-eus-path-to-savethe-jcpoa/>

региона предоставят Китаю и США новые возможности для наращивания присутствия в целях обеспечения безопасности в регионе. На данный момент присутствие России в Центральной Азии объясняется прежде всего стремлением к минимизации распространения дестабилизирующих факторов из Афганистана и обеспечению буферной зоны вдоль его южных границ⁵¹. Тем не менее, учитывая ограниченные ресурсы России, нельзя сказать наверняка, сможет ли Россия самостоятельно блокировать возникающие риски дестабилизации, исходящие из Ирана. Обстановка в сфере безопасности в Центральной Азии, которая сложится после войны с участием Ирана, заставит вмешаться и нейтрализовать угрозы. Чтобы избежать такого нежелательного исхода, Москве будет необходимо увеличить инвестиции в обеспечение безопасности региона, а это вряд ли возможно, учитывая сложную экономическую ситуацию в России в постковидную эпоху.

Китай будет крайне заинтересован в расширении своего влияния в Центральной Азии, если вдруг Москва окажется неспособной обеспечить безопасность региона. На данный момент участие Пекина в Центральной Азии в основном сводится к экономическому господству, но с развитием таких амбициозных китайских проектов, как Инициатива пояса и пути, Китай может принять решение пересмотреть свою зависимость от России в области безопасности. Переток дестабилизирующих факторов из Ирана в Центральную Азию может обеспечить столь необходимую основу для более агрессивной политики Пекина в области обеспечения безопасности в Центральной Азии. Следовательно, Китай сможет выйти за те ограничительные рамки в области безопасности Центральной Азии⁵², в которые он сам себя поставил, если возникнут более неотложные угрозы, которые в конечном итоге бросят вызов порядку обеспечения безопасности во главе с Россией, реализуемому в Евразии по линии Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

И наконец, война в Иране даст новые оперативные основания и политические стимулы для усиления присутствия западных союзных войск, войск США и НАТО в Центральной Азии и на Кавказе, что может стать еще одним источником угрозы российским интересам. Несмотря на снижение роли США в Центральной Азии в последние годы, Вашингтон, возможно, нуждается в более надежной базе для своих логистических операций и, в связи с этим, стремится к возобновлению присутствия в регионе. Кроме того, с отказом Ирана от проведения антиамериканской политики после прихода послевоенного правительства, скорее всего, Тегеран перестанет сопротивляться участию Америки в области безопасности региона. Вместо сопротивления, вероятно, произойдет радикальное изменение иранской политики в сфере безопасности, как из-за становления более проамериканского режима, так и из-за ослабления собственной мощи. Угасание Исламской

⁵¹ Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy Toward Central Asia 3.0 // Carnegie Endowment for International Peace. 25.01.2016.

URL: <https://carnegieendowment.org/2016/01/25/u.s.-policy-toward-centralasia-3.0-pub62556#:~:text=During%20the%20first%20period%2C%20which,defend%20their%20newly%20won%20sovereignty%2C>

⁵² Swanström N. Central Asia and China's security policy // Routledge Handbook of Chinese Security. May 2015. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315712970.ch15>

Республики приведет к тому, что вокруг России сомкнется геополитическое кольцо НАТО, выстраивающей западный зонтик безопасности.

Препятствия на пути реализации российских целей в Сирии

Существующие противоречия Москвы и Тегерана в Сирии⁵³ все дальше уводят их от взаимопонимания, ненадолго воцарившегося между странами в 2015 г. после вмешательства России в сирийскую гражданскую войну. Тем не менее по-прежнему сохранились отношения взаимной зависимости, что обуславливает заинтересованность обеих сторон в продолжении сотрудничества. Реализация стратегии Москвы в Сирии пострадает, если конфликт Ирана с США перекинется на Левант. Сразу же после убийства американцами генерала К. Сулеймани Россия прибегла к активной дипломатии, чтобы предотвратить подобный сценарий. 5 января 2020 г. министр обороны России Сергей Шойгу провел телефонные переговоры с начальником генштаба Ирана генерал-майором Мохаммадом Багери и главой национальной разведки Турции Хаканом Фиданом. 7 января президент России Владимир Путин совершил неожиданный визит в Сирию и встретился с Б. Асадом, а 8 января в Стамбуле провел переговоры с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Все эти действия свидетельствуют о том, что Москва считает усиление американо-иранской напряженности в Сирии угрозой для своих интересов, чему есть, по крайней мере, три причины.

Во-первых, поскольку военные операции правительства Б. Асада несут риск новых вспышек насилия (а государство при всей своей хрупкости принимает его на себя), сокращение присутствия Ирана в Сирии без действенного плана его замены создаст вакуум власти в стране. Такой вакуум имеет большее значение в районах, где Иран присутствует в большей мере, таких как провинция Дейр-эз-Зор; районы, граничащие с Ираком, и Алеппо. Сокращение иранского присутствия также может помешать России и Дамаску взять под контроль Идлиб, а это может потенциально помешать Б. Асаду добиться успеха в борьбе с оппозицией и террористическими элементами. Поддерживаемые Ираном ополченцы по-прежнему проводят операции против ИГ⁵⁴, демонстрируя продолжающуюся зависимость России от помощи Ирана в стабилизации ситуации. В то же время сирийское государство все еще уязвимо как перед опасностью неожиданных политических столкновений (чего стоят напряженные отношения между Рами Махлуфом и кланом Башара Асада⁵⁵), так и перед серьезным социально-экономическим кризисом, которому оно не в силах противостоять.

⁵³ Противоречия в основном связаны с расхождением во взглядах на цели относительно будущего политического урегулирования в Сирии, на средства и методы проведения военной реформы, а также на растущую конкуренцию за доступ к финансовым возможностям сирийской экономики. Обе страны расходятся в используемых подходах к защите своих интересов. В то время как Россия работает больше на государственном уровне, Иран предпочитает модель оказания влияния, которая основывается на работе с рядовыми членами общества.

⁵⁴ Security campaign | Regime forces and Iranian-backed militias sweep Deir Ezzor eastern desert, searching for ISIS cells // Syrian Observatory for Human Rights. 10.06.2020. URL: <https://www.syriahr.com/en/169133/>

⁵⁵ Daher J. The Syrian Presidential Palace Strengthens its Concentration of Power: The Rift Makhlof-Assad // Robert Schuman Centre for Advanced Studies. 13.05.2020. URL: https://cadmus.eu.eu/bitstream/handle/1814/67027/PB_2020_21_MED.pdf?sequence=1&isAllowed=y

В основном Москва преследует стратегическую цель восстановить сирийскую армию и вытеснить иранских ополченцев из районов, где ситуация уже стабилизировалась с военной точки зрения. У Москвы нет надежных сухопутных военных сил в регионе, у Сирии – независимой армии, и пока военная фаза конфликта продолжается, Россия будет зависеть от военной поддержки Ирана в сохранении статус-кво. Опыт России в формировании 5-го штурмового корпуса сирийской армии показывает, что она все еще не способна создать надежные сухопутные силы и не может эффективно заполнить тот вакуум, который образуется в случае ухода Ирана из региона. Если такой вакуум власти возникнет на фоне активной борьбы между Б. Асадом и оппозицией, Москве придется либо заполнить этот вакуум путем большего прямого военного участия, или же мириться с вовлечением более сильных соперников: Турции и арабских государств. По понятным причинам ни один из вариантов не подходит Москве. Увеличение поставок ресурсов кажется нереалистичным, учитывая финансовые трудности России и ее конкуренцию с Турцией в этом регионе. Таким образом, если Иран вступит в открытую конфронтацию, у него больше не будет стратегических средств для ведения борьбы на стороне Б. Асада в Сирии и стабилизации его режима, что, скорее всего, нанесет ущерб интересам России в стране.

Во-вторых, в случае открытого конфликта между Ираном и США Сирия, скорее всего, превратится в поле боя для начинающейся войны. Она и так уже является театром боевых действий ирано-израильского конфликта, но в данной ситуации риск эскалации гораздо менее вероятен. Действительно, решение Тегерана воздержаться от ответных мер, когда Израиль нанес удары по иранским позициям в Сирии, автоматически не означает, что он воздержится от ответа в случае серьезного конфликта с США. С точки зрения Тегерана, главная задача его так называемой оси сопротивления, включающей Сирию, заключается в создании стратегической глубины, которая усилит сдерживание Вашингтона. Если США вступит в конфликт, передовое базирование в Сирии дает Ирану возможность нанесения ответного удара по США и их союзникам. Как подчеркнул главнокомандующий воздушно-космическими силами Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в случае вооруженного конфликта Иран, безусловно, будет действовать на нескольких фронтах по всему Ближнему Востоку, включая Сирию, чтобы заставить противника ввязаться в многочисленные военные операции, разбросанные по территории региона. Возможность нанесения ответных действий за пределами национальных границ предоставляет Тегерану свободу маневра, чтобы повысить издержки участия в боевых действиях для своих противников.

Перспектива втягивания Сирии в военное противостояние Вашингтона и Тегерана наносит катастрофический ущерб российским планам в регионе. К подобным последствиям может привести и эскалация региональной напряженности между Тегераном и Эр-Риядом. Владимир Путин, обсуждая данную тему, призвал лидеров Ирана и Саудовской Аравии не использо-

вать территорию Сирии в качестве поля для противоборства⁵⁶. Такое развитие событий приведет к военному вмешательству Израиля и США, создаст угрозу ведущей позиции России в Сирии и послужит причиной дальнейшего ослабления правительства Б. Асада. Поскольку Россия не уверена в масштабе и степени распространения иранских вооружений в Сирии, все ее предположения о серьезности и глубине конфликта Ирана с его противниками внутри Сирии сопряжены с неопределенностью. И этот фактор также учитывается Россией при оценке рисков.

Позиции, которые Иран занимает в Сирии сегодня, разительно отличаются от его положения в 2017–2018 гг. Причиной таких изменений стали, связанные с особенностями текущего положения дел, проблемы, вызванные убийством К. Сулеймани, в сочетании с экономическими трудностями, последствиями COVID-19 и израильскими авиаударами. Однако такая ситуация не обязательно свидетельствует о снижении влияния Ирана или изменении общего направления его стратегических действий. Принимая во внимание стратегическую культуру страны и последние военные события, Тегеран непрерывно работает над пересмотром своих действий, внося тактические корректировки, включающие в себя: наращивание потенциала для ведения нестандартной/гибридной войны как за счет усиления контрразведки, так и за счет совершенствования тактики обмана; сокрытие данных об иранских высокопоставленных командирах и наемниках; пересмотр деятельности командных структур, включая предоставление Хезболле более значимой роли в оперативном руководстве; дальнейшее укрепление отрядов ополченцев, действующих в интересах Ирана в стратегически важных зонах; передислокация и распределение некоторых отрядов Хезболлы в Дараа, Каламуне, Западной Гуте и Дамаске; замена их знамен сирийскими флагами и укрепление некоторых позиций в тех же районах⁵⁷.

Москва полностью осведомлена об этих преобразованиях. Чтобы свести к минимуму риск эскалации напряженности в Сирии, связанной с действиями Ирана, Россия стремится просчитать распределение своего влияния, ограничивая воздействие Ирана в Сирии и предотвращая возникновение вакуума власти, убеждая Тегеран отвести свои войска от сирийско-израильской границы⁵⁸, проводя военные реформы в сирийской армии, сопротивляясь иранскому присутствию на местном уровне, давая Израилю возможности проведения операции в Мабане и снижая мобильность поддерживаемых Ираном сил из-за опасений, вызванных пандемией⁵⁹ – вот некоторые из шагов, предпринятых Москвой. Однако, в рамках реализации доктрины «Аль-Кудс» – «снизу вверх», верные отряды были внедрены в вооруженные силы Б. Асада в качестве обязательной составляющей, и наряду с бесчи-

⁵⁶ Путин призвал Иран и Саудовскую Аравию не превращать Сирию в поле для противоборства // ТАСС. 03.10.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6961355>

⁵⁷ Ezzi M. Lebanese Hezbollah's Experience in Syria // Robert Schuman Centre for Advanced Studies. 13.03.2020. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/66546/MED_WPCS_2020_4.pdf?sequence=1&isAllowed

⁵⁸ Sergei Ryabkov's interview // CNN. 25.01.2019. URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/190125/cnr.20.htm>

⁵⁹ Mardasov A. Is COVID-19 changing Astana allies' dynamics in Syria? // Al-Monitor. 31.03.2020. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/03/russia-iran-syria-turkey-coronavirus-subversion.html>

сленным количеством отрядов, не входящих в состав Сирийской арабской армии, они обеспечивают серьезное структурное влияние, с которым России трудно справиться. Согласно выводам ряда экспертов, нельзя сказать, что Москва существенным образом влияет на армию Сирии и силы безопасности, а попытки заменить проиранских командиров пророссийскими на самом деле увенчались успехом⁶⁰.

В-третьих, резкое сокращение иранского экономического сотрудничества с Сирией не совсем согласуется с усилиями Москвы стабилизировать регион. Иран играет важную роль в содействии режиму Б. Асада в преодолении санкций, введенных США, и предоставлении необходимых услуг своему населению, включая поставки нефти, что является определяющим фактором, который помогает Дамаску поддерживать минимальную функциональность. Тегеран также может играть роль в укреплении позиций Б. Асада, осуществляя инвестиции и реализуя проекты по восстановлению страны. Ко всему прочему, ему удалось согласовать стратегический план экономического сотрудничества с Дамаском, который в частности содействует инвестированию частного сектора Ирана в Сирию, а также заключению партнерских отношений с представителями деловых кругов страны⁶¹. Пусть реализация этих инвестиционных планов и серьезно осложнилась из-за экономических проблем, вызванных американскими санкциями и пандемией COVID-19, но Тегеран, как только он оправился от этих насущных проблем, все же остался основным партнером Б. Асада.

На восстановление страны до ее прежнего уровня правительству Б. Асада необходимо около 400 млрд долл., однако ни у Москвы, ни у Тегерана нет таких финансовых ресурсов, чтобы инвестировать их в Сирию. Именно поэтому участие Ирана в восстановлении Сирии стратегически совпадает с долгосрочной целью Москвы – стабилизировать ситуацию в стране. Теперь, когда Москва обошла своего иранского конкурента в соперничестве за выгодные проекты по реконструкции Сирии и продолжает ослаблять сложную сеть экономических интересов Ирана⁶² в регионе, она может одобрить участие Тегерана в более долгосрочных проектах по сирийскому восстановлению. В то же время серьезные расхождения между альянсом ЕС–США и Россией в отношении восстановления Сирии до сих пор препятствовали сколько-нибудь значимому сотрудничеству между странами в области по этому вопросу⁶³. ЕС и США ясно дали понять, что они не будут участвовать в реконструкции Сирии, если не удастся прийти к соглашению о политическом транзите власти.

⁶⁰ Mardasov A. Why Russia's grip on Syrian military is weaker than it seems // *Al-Monitor*. 22.04.2020.
URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/04/russia-syria-militias-iran.html>

⁶¹ Hamidreza A. Iran Seeks Economic Benefits From Syria // *The Atlantic Council*. 22.02.2019.
URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/iransource/iran-seeks-economic-benefits-from-syria>

⁶² Hatahet S. Russia and Iran: Economic Influence in Syria // *Chatham House*. 08.03.2019.
URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-03-08RussiaAndIranEconomicInfluenceInSyria.pdf>

⁶³ Squaring the Circle: Russian and European Views on Syrian Reconstruction: Report No. 48/2019 / [Kortunov A.V.; Hiltermann J.; Mamedov R.Sh.; Shmeleva T.A.]; [I.S. Ivanov (Editor-in-Chief)]; Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NPMP RIAC, 2019. – P. 9-13

Тегеран стремится создать экономический блок с участием Сирии, Ирака, Ливана и Ирана, чтобы увеличить объемы своей региональной торговли в условиях американских санкций, поэтому Иран становится одним из немногих государств, которые готовы рискнуть и вложить свои инвестиции в восстановление Сирии, учитывая, что это откроет новые перспективы для иранской торговли. Такая позиция Тегерана рассматривается Москвой в положительном ключе, поскольку она помогает России в достижении цели восстановления стабильности в Сирии и последующего укрепления позиции правительства Б. Асада. Для Москвы лучшим сценарием по реконструкции Сирии является вариант, при котором задействованы наиболее дееспособные игроки самого ближневосточного региона: ОАЭ, Турция, Иран и Саудовская Аравия⁶⁴. Эти факторы не позволяют России принимать прямые действия против экономической политики Ирана в Сирии, за исключением поддержания справедливой торговой конкуренции.

⁶⁴ Squaring the Circle: Russian and European Views on Syrian Reconstruction: Report No. 48/2019 / [Kortunov A.V.; Hiltmann J.; Mamedov R.Sh.; Shmeleva T.A.]; [I.S. Ivanov (Editor-in-Chief)]; Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NPMP RIAC, 2019. – P. 5

Последствия для ближневосточной политики России

Возможный американо-иранский конфликт отличается от предыдущих американских интервенций на Ближнем Востоке. Надвигающееся столкновение будет не между сверхдержавой и нестабильным государством как, например, Ирак, а скорее конфронтацией с региональной державой, обладающей на Ближнем Востоке сетью хорошо вооруженных подконтрольных ей сил, способностью нанесения ответного удара и идеологическим влиянием. Инвестиции Исламской Республики в развитие асимметричной военной мощи помогают ей использовать в своих интересах связь между конфликтами на Ближнем Востоке, исходя из логики, что начало любой войны с США приведет к вспышке регионального конфликта, о чем недвусмысленно говорит главнокомандующий КСИР генерал-майор Хоссейн Салами. Он подчеркивает, что «агрессия в определенных границах может превратиться в безграничную»⁶⁵. Российское руководство, по-видимому, понимает, что существует риск эскалации конфликта по такому сценарию. В июне 2019 г. в телеобращении Владимир Путин назвал войну между США и Ираном катастрофой как для региона в целом, так и для тех, кто ее ведет.

Как уже отмечалось, оценивая последствия такой эскалации для российской ближневосточной политики, эксперты разделились на два лагеря: первый принимает во внимание выгоды для России в связи с напряженной ситуацией в регионе, а второй учитывает риски и угрозы, которые могут возникнуть в результате снижения уровня безопасности в странах-соседах Российской Федерации на юге. Хотя пока непонятно, как Россия добьется правильного соотношения выгод и рисков при выработке своей стратегии, влияние столкновения США и Ирана почти на все аспекты российской ближневосточной политики представляется практически неизбежным. Положение, при котором Исламская Республика становится ослабленным или несостоятельным государством, помешает Москве и дальше балансировать в регионе, а также нанесет ущерб репутации России как страны, способной защищать своих партнеров. Оба этих фактора лежат в основе нынешней политики России на Ближнем Востоке.

Проведение нынешней ближневосточной политики России возможно только в такой стратегической обстановке, в которой ни одно государство не является достаточно сильным, чтобы получить доминирующую роль в регионе. При таком распределении сил балансирование Москвы на Ближнем Востоке подразумевает одновременное партнерство с конкурирующими региональными игроками, выделяя для Москвы роль медиатора между ними. В. Путин, похоже, делает ставку на ожидания акторов региона, что отказ от сотрудничества с Москвой приведет к увеличению помощи России их

⁶⁵ Иран пригрозил мекью в случае атак на свои территории // Deutsche Welle. 21.09.2019.
URL: <https://p.dw.com/p/3Q0Ke>

соперникам, а это дает стимул каждой из конкурирующих сторон продолжать или даже укреплять свои дружественные отношения с Россией⁶⁶.

Способность поддерживать эту политику в корне зависит от сохранения нынешнего статус-кво, характеризующегося отсутствием какого-либо регионального гегемона и наличием множества региональных держав, достаточно сильных, чтобы продолжать конкурировать друг с другом. Любое серьезное ослабление позиции Исламской Республики на Ближнем Востоке приведет к появлению новой неопределенности в региональном балансе сил и в развитии региона в будущем. Учитывая более честолюбивую политику таких акторов, как Турция и Саудовская Аравия, ослабленное положение Ирана может даже способствовать появлению доминирующей региональной державы. Партнерство с Ираном эффективно применялось Москвой в качестве рычага, который она использовала для расширения своего влияния на Тель-Авив и Эр-Рияд. В условиях отсутствия такого партнерства способность Москвы по поддержанию баланса сил будет подорвана. Ослабление враждебности Ирана к Саудовской Аравии и Израилю, вероятно, повлияет на выбор этих стран в вопросе сотрудничества с Россией.

Кроме того, иранский кризис может поставить под угрозу образ России как надежного партнера. Москва хочет предложить свое сотрудничество на Ближнем Востоке тем странам, которые стремятся диверсифицировать свою внешнюю политику⁶⁷. Сближение России и Ирана, которое началось в ходе гражданской войны в Сирии и продолжилось по целому ряду других вопросов, привело к тому, что прочное партнерство Тегерана и Москвы стало основной характерной чертой их двусторонних отношений. Изоляция Исламской Республики и отсутствие реакции в случае нападения США продемонстрирует нежелание и неспособность Москвы брать на себя серьезные обязательства. Такая линия поведения РФ подкрепит утверждения о том, что политика России на Ближнем Востоке представляет собой не стратегическую политику, рассчитанную на долгосрочную перспективу⁶⁸, а ряд краткосрочных партнерских отношений, в основе которых лежат ее собственные интересы, и череду действий в рамках транзакционной дипломатии. Более того, такой курс Москвы напоминает о том, что Россия не смогла предотвратить войны Запада против Югославии, Ливии и Ирака. Такое положение дел нанесет ущерб стремлению России дистанцироваться от былой слабости.

С другой стороны, если Россия намерена доказать свою приверженность партнерам, она, скорее всего, столкнется с более масштабной проблемой. Любое решение об отказе от нейтралитета и оказание более значительной

⁶⁶ Katz M.N. Balancing Act: Russia between Iran and Saudi Arabia // LSE Middle East Center Blog. 26.06.2018.
URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia/>

⁶⁷ Trenin D. Russia in the Middle East: Moscow's objectives, priorities, and policy drivers // Carnegie Endowment for International Peace. 25.03.2016.
URL: https://carnegieendowment.org/files/03-25-16_Trenin_Middle_East_Moscow_clean.pdf

⁶⁸ Sladden J., Wasser B., Connable B., Grand-Clement S. Russian Strategy in the Middle East // Rand Corporation. 2017.
URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE236/RAND_PE236.pdf

поддержки любому из партнеров будет возможно только в ущерб отношениям с другими партнерами. Любое решение о том, на чью сторону встать в кризисной ситуации, приведет к серьезным издержкам. Марк Кац описывает такой сценарий следующим образом: «Если РФ поддержит Иран в конфликте против поддерживаемой США Саудовской Аравии, Россия может быстро потерять влияние на Саудовскую Аравию и ее арабских союзников»⁶⁹

Таким образом, американо-иранский конфликт поставит российскую ближневосточную политику перед дилеммой. Москве нужно будет сделать выбор: сохранить нейтралитет и пойти на риск новых угроз в сочетании с потерей доверия или занять чью-то сторону в конфликте и разрушить свой образ добросовестного посредника. Каким бы ни был выбор, нынешняя ближневосточная политика Москвы вряд ли останется прежней. Политика одновременного взаимодействия со всеми сторонами и извлечения выгоды от маневрирования на грани напряженности может эффективно работать до начала конфликта, но затраты на поддержание такой стратегии станут гораздо выше, если разразится война.

⁶⁹ Katz M.N. Balancing Act: Russia between Iran and Saudi Arabia // LSE Middle East Center Blog. 26.06.2018.
URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia/>

Заключение: предполагаемый ответ России

Представляется, что какой бы ни была война между Ираном и США, России неизбежно придется предпринять какие-то действия. На реакцию России, скорее всего, окажут влияние два фактора: как Россия будет воспринимать угрозы, исходящие от конфронтации США и Ирана, и какие политические и экономические возможности появятся у Москвы в результате конфликта.

На действия России во время предыдущих войн, которые США вели в Ираке, Ливии и Косово, оказывали воздействие риски и угрозы ее ключевым интересам. Согласно одному из исследований RAND, эти войны не обязательно рассматривались в качестве прямой угрозы основным интересам России⁷⁰, что в сочетании с ограниченностью ресурсов Москвы предопределило ее сдержанную реакцию на эти конфликты. После резкого отхода от политики, проводившейся в конце 1990-х – начале 2000-х гг., Россия сегодня стала властным игроком с более эффективным инструментарием ведения внешней политики на Ближнем Востоке, который служит реализации ее великодержавных устремлений. Москва, исходя из прагматических соображений, скорее всего, будет стремиться к минимизации негативных последствий любого регионального конфликта для своей позиции в регионе.

Американские мотивы ведения военных действий в Иране повлияют на восприятие угрозы российской стороной. В то время, как любое нападение США на Иран с целью смены режима, споры по региональным вопросам и случайные столкновения могут представлять угрозу для Москвы, превентивный удар США с целью прекращения программы по разработке ядерного оружия, на который США могут пойти в качестве крайней меры, может быть истолкован по-разному. Переломным фактором в расчетах Москвы станет решение Ирана начать разработку ядерного оружия. Если Иран в условиях серьезной угрозы своей безопасности посчитает именно этот вариант наиболее выгодным, то Москва окажется перед сложным выбором. Несогласие Москвы с нанесением Америкой превентивного удара по ядерным объектам Ирана чревато новым кризисом режима нераспространения и повышает вероятность возникновения ядерного государства среди южных соседей России. А одобрение точечного удара США по ядерным объектам Ирана спровоцирует непредсказуемую крупномасштабную дестабилизацию в регионе и усложнит проведение российской ближневосточной политики.

Как показано в данной работе, Россия извлечет определенные выгоды из такого обострения напряженности в регионе, но в то же время столкнется с еще большими угрозами в случае военной эскалации. Такое положение максимизирует интересы Москвы в «серой зоне», которая находится между любым открытым американо-иранским конфликтом и их примирением.

⁷⁰ Radin A., Reach C. Russian Views of the International Order // Rand Corporation. 2017.
URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1826.html

Поддержание «контролируемой напряженности» помогает Москве увеличить свою выгоду, минимизируя при этом угрозу эскалации, которая приведет к полномасштабной войне, то есть американо-иранские отношения и ирано-арабские связи остаются напряженными, но не перерастают в открытый конфликт. Отход от этой позиции нежелателен для Москвы, поскольку иначе она лишится того преимущества, которым обладает сейчас: ей не нужно занимать чью-либо сторону в конфликте⁷¹. Исходя из этого, главной целью Москвы должно быть сохранение нынешнего статус-кво путем предотвращения краха политики сдерживания в регионе и поиска дипломатических решений кризиса нераспространения в регионе. Несмотря на серьезный дефицит инструментов реализации такого курса, Москва, скорее всего, будет полагаться на гибридную модель ведения политики: в силу такого затруднительного положения она будет как использовать дипломатические маневры, так и оказывать военную помощь сторонам.

Идея о том, что Россия примет сторону Ирана в возможном американо-иранском военном конфликте, так же несовместима с Realpolitik России, как и идея о том, что РФ полностью отойдет в сторону и будет наблюдать за тем, как происходит серьезнейший сдвиг в региональном балансе сил. Восприятие Москвой угрозы, исходящей от любых фундаментальных изменений в балансе сил из-за смены режима или превращение Ирана в несостоявшееся государство наверняка подтолкнет Кремль принять меры по ослаблению экзистенциальных угроз Исламской Республике. В июне 2019 г. секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Николай Патрушев в своем выступлении на трехсторонней встрече руководителей служб безопасности России, Израиля и США продемонстрировал, что Россия признает реальность угроз, которыми обеспокоен Иран. Он отметил: «Мы понимаем озабоченность Израиля [безопасностью], и мы хотим, чтобы эти угрозы были устранены, чтобы израильская безопасность была гарантирована... В то же время мы никогда не должны забывать о национальных интересах других региональных держав [Ирана]»⁷².

Москва признала не только тот факт, что восприятие Исламской Республикой экзистенциальных угроз является обоснованным, но и законное право Ирана на поддержание обороноспособности, чтобы противостоять этим угрозам⁷³. Такой подход помогает России не дать Тегерану перейти к этапу разработки ядерного оружия. Одним из вариантов России по ослаблению экзистенциальных угроз в отношении Исламской Республики является готовность предложить военную помощь для усиления иранского нея-

⁷¹ Kortunov A. The Astana Model: Methods and Ambitions of Russian Political Action (Mezran K., Varvelli A. The MENA Region: A Great Power Competition) // ISPI and Atlantic Council. October 2019.
URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/ispi_report_mena_region_2019.pdf#page=53

⁷² Staff T. Netanyahu tells Russian official: We will do 'anything' to prevent nuclear Iran // The Times of Israel. 24.06.2019.
URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-tells-russian-official-we-will-do-anything-to-prevent-nucleariran/>

⁷³ Barada A. Iran and Turkey Will Leave Syria, Russia's UN Ambassador Tells Asharq Al-Awsat // Asharq-al-Awsat. 11.04.2019.
URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1674386/iran-and-turkey-will-leave-syria-russia%E2%80%99s-un-ambassador-tellsasharq-al-awsat>

дерного потенциала сдерживания. Исходя из этих соображений, с начала 2019 г. Москва и Тегеран ускорили планирование будущей военно-технической координации между двумя странами. Вполне вероятно, что Москва выйдет на новое соглашение об углублении военного сотрудничества, в том числе и на оперативном уровне, наподобие ранее проводившихся совместных военно-морских учений в Индийском океане. По словам главнокомандующего ВМС Ирана Хоссейна Ханзади, такое соглашение является поворотным пунктом в истории военного сотрудничества двух стран⁷⁴. Между тем взаимодействие с Тегераном не противоречит идее сохранения политики сдерживания в регионе в неизменном виде, о чем явно свидетельствует предложение В. Путина о закупке систем С-400, которое он сделал Саудовской Аравии.

Однако действия Москвы будут осторожными и, как вновь показала реакция России на нагорно-карабахский конфликт, она, скорее всего, будет следовать принципам невмешательства и «Россия прежде всего»⁷⁵. Маловероятно, что политика отказа от поставок Тегерану наступательных вооружений радикально изменится, но это не означает, что Россия не сможет помочь Ирану в усовершенствовании систем сдерживания противника. История военных связей между Тегераном и Москвой дает представление о том, какие шаги Москва может предпринять для предотвращения нападения на Иран. Взаимодействие двух стран было связано с продажей оружия, обменом разведданными и оперативным сотрудничеством. Теперь с появлением недавно созданных совместных комиссий Москва может использовать эти модели сотрудничества в качестве каналов предоставления новой помощи Исламской Республике, которая включает укрепление иранских систем ПВО, размещение российских военных объектов в Иране с целью ограничения масштабов или усложнения проведения американской операции, а также предоставление Ирану ограниченной оперативной развединформации до или во время вооруженного конфликта с США⁷⁶.

В июле 2019 г. Замир Кабулов, спецпредставитель МИД России по азиатским странам, заявил, что Россия вряд ли займет полностью нейтральную позицию в случае начала войны. По его словам «Иран выдержит [такой формат] борьбы, и Иран не одинок... но если США нападут, то вопрос о том, предпримет ли Россия какие-либо конкретные действия, стоит задавать российскому президенту»⁷⁷. Однако опять же маловероятно, что Москва напрямую вмешается в американо-иранский конфликт, какую бы форму он ни принял, и в ближайшее время откажется от своего статуса беспристрастного игрока на Ближнем Востоке. Любое решение о предоставлении Теге-

⁷⁴ Ханзади Х. Иран и Россия скоро проведут совместные военно-морские учения» (на перс. [کنندمی برگزار مشترک رزمایش بزودی روسیه و ایران](https://defapress.ir/fa/news/355865/)) // Defa Moghadas News Agency. 29.07.2019. URL: <https://defapress.ir/fa/news/355865/> <https://www.iranpress.com/news/355865/>

⁷⁵ Trenin D. Moscow's New Rules // Carnegie Moscow Center. 12.11.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83208?s=09>

⁷⁶ Abdolrasool D., Kortunov P. Moscow's options in the wake of US military confrontation with Iran // American Herald Tribune. 27.05.2019. URL: <https://ahtribune.com/world/3181-russia-iran-us-militaryconfrontation.html>

⁷⁷ Iran 'Won't Be Alone' If U.S. Attacks, Russian Official Says // The Moscow Times. 26.06.2019. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/06/26/iran-wont-be-alone-if-us-attacks-russian-official-says-a66169>

рану такого уровня военной поддержки, который мог бы привести к изменению расклада сил, не только поставит под угрозу балансирование Кремля, но и не позволит ему остаться верным своему принципу невмешательства в реальную военную конфронтацию.

Приведенные выше осложняющие факторы подчеркивают, что в случае возникновения конфликта возможности Москвы по эффективному реагированию и восстановлению своей стратегии на Ближнем Востоке ограничены, что приводит к сокращению влияния России в регионе. Чтобы справиться с этой ситуацией, Москва, вероятно, приложит больше дипломатических усилий в качестве посредника между Ираном, США и арабскими государствами Персидского залива для предотвращения перерастания напряженности в вооруженный конфликт. Для успешной реализации такого политического курса необходимо выйти за рамки ядерной дипломатии и дипломатической поддержки Ирана, а это требует активного участия России в предотвращении коллапса существующей системы безопасности в Персидском заливе. Возможности Москвы по оказанию существенной дипломатической поддержки усилиям, направленным на достижение этой цели, ограничены; однако, когда дело доходит до менее масштабных усилий по деэскалации, в ее арсенале есть более действенные средства. Среди них – возможность использования предыдущего опыта антикризисного управления. Например, Россия успешно снизила вероятность столкновения с США из-за Сирии с помощью стратегии устранения конфликтных ситуаций между военными. Кроме того, Россия сыграла определенную роль в урегулировании напряженности между Ираном и Израилем в Сирии. Имея такой опыт, Москве стоит занять более активную позицию в кризисном урегулировании, прежде чем новая волна перемен прокатится по Ближнему Востоку.

Об авторах

Кортунов Петр Андреевич – магистр международного коммерческого и финансового права. На данный момент занимает должность программного координатора РСМД. В сферу его научных интересов входит политика Ближневосточного региона, преимущественно в привязке к Исламской Республике. Также предметом особого интереса автора является ядерная энергия, а также проблематика ее использования как в мирных, так и в военных целях.

Абдулрасул Дивсалар – эксперт по внешней политике Ирана и политике безопасности. Он является одним из руководителей Инициативы региональной безопасности в рамках Программы Ближневосточных направлений Центра перспективных исследований имени Роберта Шумана при Европейском университетском институте (EUI). Он также является научным сотрудником по вопросам политики в Школе транснационального управления EUI.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998-2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004-2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунوف. В 1995-1997 гг. Андрей Кортунوف занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Российский совет по международным делам

ПОСЛЕДСТВИЯ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ ДЛЯ РОССИИ:
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА (2021 г.)

Доклад № 69/2021

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
WANA (West Asia News Agency) via REUTERS / Pixstream

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 100 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru